

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

С.Б. Россинский*

МОДЕЛЬ ПОЗНАНИЯ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ТЕОРИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

***Аннотация.** Статья содержит отдельные результаты проводимого автором исследования гносеологической сущности познания в контексте развития теории уголовно-процессуальных доказательств в современных условиях. Автор полагает, что в качестве методологической основы уголовно-процессуального познания необходимо сохранить традиционный для отечественной уголовно-процессуальной науки диалектико-материалистический метод, который, с одной стороны, восходит своими корнями к античной философии, а с другой — успел хорошо себя зарекомендовать и ничуть не уступает иным философским концепциям. Вместе с тем в статье выдвигается идея, что в современных условиях диалектический материализм не следует расценивать как неоспоримую научную догму, что этот методологический подход не должен быть лишен возможности заимствования отдельных положений и взглядов из области других философских учений.*

В таком контексте автор развивает модельную схему ретроспективного уголовно-процессуального познания, предложенную известным отечественным специалистом в этой области — профессором А.А. Давлетовым. В частности, автор определяет новые подходы к таким категориям, как «объект процессуального познания», «предмет процессуального познания», а также рассматривает их взаимосвязи, как между собой, так и с субъектами процессуального познания.

На основании изложенного в статье формулируется модельная схема уголовно-процессуального познания, которая, по мнению автора, определяет сущность всей теории доказательств в уголовном процессе.

***Ключевые слова:** доказывание; процессуальное познание; объект процессуального познания; предмет процессуального познания; диалектический материализм; субъект процессуального познания; методологическая основа доказывания; модель процессуального познания; доказательство; предмет доказывания.*

Ни одна проблема уголовно-процессуальной науки и практики, ни один институт уголовно-процессуального права не вызвали такого количества бурных дискуссий, какие традиционно были и остаются присущи вопросам доказывания по уголовному делу. И в этом нет ничего удивительного! Ведь процессуальное доказывание представляет собой

ни что иное как специфическую разновидность познавательной деятельности. «Доказывание, — писал М.С. Строгович, — и есть процесс познания фактов, обстоятельств уголовного дела¹».

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. М., 1968. С. 296.

© Россинский Сергей Борисович

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

[s.rossinskiy@gmail.ru]

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

На протяжении всего периода развития доказательственного права учеными предлагались различные подходы к определению уголовно-процессуального доказательства и процесса доказывания по уголовному делу. Такие попытки продолжаются и в настоящее время. Многие современные исследователи направляют свой научный потенциал на формулирование очередного собственного, авторского (какого по счету?!) понятия доказательств в уголовном судопроизводстве.

Но так ли уж это необходимо на современном этапе развития уголовно-процессуальной науки? Представляется, что нет!

Очевидно, для того чтобы вывести наиболее разумную и объективную формулу доказательства, следует проанализировать все или по крайней мере большинство работ (монографий, научных статей, диссертаций и т.д.) по проблемам сущности доказательств в уголовном процессе. Для решения одной только этой задачи необходимо проведение самостоятельного серьезного монографического исследования, может быть, даже нескольких исследований. А результат подобной работы видится весьма и весьма сомнительным: по крайней мере еще ни одному специалисту вывести идеальную формулировку так и не удалось. В этой связи полагаем, что любое новое определение доказательств, основанное на анализе имеющихся в науке взглядов и воззрений, не будет безгрешным, так как везде можно будет найти те или иные недостатки.

Более того, наука уголовного процесса, как и любая другая отраслевая юридическая наука, направлена в первую очередь на совершенствование уголовно-процессуального права в целом, а также его отдельных норм и институтов в частности. Следовательно, формулирование оптимального понятия доказательства имеет своим назначением оптимизацию действующего уголовно-процессуального закона, в том числе ст. 74 УПК РФ. Не секрет, что многие специалисты до сих пор пытаются внести определенные изменения (дополнения) в названую норму или вообще в корне изменить ее содержание.

Очевидно, эти предложения и имеют определенный теоретический смысл. Возможно, УПК РФ с учетом данных поправок и будет более логичным и последовательным, нежели в настоящее время.

Но вместе с тем нам представляется, что прежде чем вносить какие-либо очередные поправки в текст закона, необходимо проанализировать, какое влияние они окажут на

правоприменение, на практическую деятельность. Если, невзирая на существующие по мнению ряда специалистов логические неточности, правоприменительная практика и так идет по правильному пути, то, может быть, хватит подвергать и без того постоянно редактируемый текст УПК РФ все новым и новым изменениям и дополнениям? Может быть, следует сконцентрировать свое внимание на тех недостатках закона, которые действительно обуславливают серьезные практические проблемы? Тем более, существующее в настоящее время законодательное определение доказательств, на наш взгляд, вполне адекватно и приемлемо. Оно ничем не хуже и не лучше иных существовавших или существующих в теории дефиниций.

Тем более, что за время, прошедшее с момента вступления УПК РФ в действие, практикой были выработаны некоторые весьма разумные рекомендации по правильному применению положений доказательственного права.

Ну и, наконец, полагаем, что комплексный анализ всех точек зрения по данной проблеме в принципе не может способствовать выработке единого оптимального определения доказательств в уголовном процессе, поскольку эти точки зрения изначально основаны на различном понимании одних и тех же базовых гносеологических категорий. Например, философскую категорию «факт» в теории процессуального познания понимают и как сведение, и как фрагмент объективной действительности, и как фрагмент истинного знания и т.д. В этой связи следует согласиться с В.С. Балакиным, который, намечая пути для дальнейшего развития данной проблематики, пишет: «Первое, с чего необходимо начать — это разобраться в терминологическом многообразии, которое характерно для доказывания, и договориться о приемлемом и оптимальном однообразии используемых терминов, как в теории доказывания, так и в уголовно-процессуальном законодательстве»². Представляется, что чисто теоретически автор абсолютно прав. Ведь большинство описанных выше научных проблем обусловлены именно тем обстоятельством, что различные ученые называют одни и те же вещи разными именами: факты, фактические данные, сведения, источники и проч. Поэтому подобная договорная концепция могла бы если не полностью, то хотя бы частично разрешить существующие противоречия. Однако в современных условиях, характеризующихся

² Балакин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург, 2004. С. 45.

многообразием уголовно-процессуальных научных школ, различными взглядами на саму природу российского уголовного процесса, на его цели, задачи, принципы, дискуссиями по наиболее базовым категориям процессуального права, достижение подобных договоренностей практически невозможно.

Таким образом, возникает концептуальный вопрос: а нужно ли вообще продолжать дальнейшие исследования в этом сегменте уголовно-процессуальной науки?

Да, безусловно нужно. Иначе мы вообще не заводили бы об этом речь. Однако представляется, что в данном случае необходимо изменить тактику, а, возможно, даже и стратегию подобных научных исследований. В этой связи ранее нами было предложено изначально считать правильными все (по крайней мере практически все) существующие в теории уголовного процесса определения доказательств, поскольку каждое из них более или менее удачно характеризует один и тот же процессуально-гносеологический феномен — средство, с помощью которого осуществляется познание обстоятельств уголовного дела³. Поэтому полагаем, что свои творческие усилия необходимо направлять не на поиск оптимальной формулировки понятия доказательств в уголовном судопроизводстве, а на более глубокое исследование философской и правовой сущности самого уголовно-процессуального познания.

«Познание, — писал И.М. Лузгин, — представляет собой деятельность, целью которой является получение истинного знания о каком-либо объекте»⁴. Следовательно, и уголовное судопроизводство, которое неразрывно связано с постоянной необходимостью установления различных имеющих значение для дела обстоятельств, также является разновидностью познавательной деятельности. «Эта деятельность по установлению истины, — подчеркивала П.А. Лупинская, — составляет сердцевину всего судопроизводства»⁵.

Под доказыванием следует понимать особую форму познания по уголовному делу — познавательную деятельность управомоченного органа государства в сфере юрисдикции, осуществляемую по процессуальным прави-

лам⁶. Говоря о процессуальном познании и доказывании, необходимо отметить, что в настоящее время эти правовые категории сами по себе (без исследования сущности доказательств) побуждают множество научных споров. К наиболее существенным из них следует отнести дискуссии относительно: 1) соотношения познания и доказывания в уголовном процессе; 2) определения места познания и доказывания в уголовном судопроизводстве; 3) целей процессуального доказывания; 4) взаимосвязи доказывания с принципами уголовного процесса и т.д.

Однако в рамках настоящей работы мы не ставим перед собой задач исследования отмеченных проблем. Нас интересует лишь внутренняя, гносеологическая сущность процессуального познания и доказывания; сам механизм постижения человеком обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. С этих позиций и уголовно-процессуальное познание, и доказывание являются всего лишь разновидностями познания в целом. Следовательно, уголовному судопроизводству присущи все основные законы и закономерности познавательной деятельности. Как справедливо отмечал А.И. Трусов, эти законы являются едиными для всякого познания. Они действуют как при познании больших процессов и явлений (например, при установлении закономерностей природы, общества, человеческого мышления), так и при восстановлении картины единичных фактов, явлений, событий (например факта преступления и виновности определенного лица). Без использования этих закономерностей не может протекать никакой процесс познания, не может быть установлена истина⁷. Как отмечали Л.Д. Кокорев и Н.П. Кузнецов, доказывание в уголовном процессе представляет собой разновидность познания человеком реальной действительности. Оно осуществляется в соответствии с общими закономерностями, присущими познавательной деятельности во всех областях теории и практики⁸.

Говоря о данных законах и закономерностях, следует иметь в виду, что во многом они обуславливаются концептуальным философско-методологическим подходом к сущности познания. Причем в отечественной науке таковым традиционно являлся диалектический материализм (в советский период — марксист-

³ См.: Россинский С.Б. О сущности доказательств на современном этапе развития уголовно-процессуальной науки: постановка проблемы // Законы России. 2013. № 6. С. 99, 100.

⁴ Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М., 1973. С. 18.

⁵ Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе. М., 1966. С. 4.

⁶ См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 24.

⁷ См.: Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960. С. 10.

⁸ См.: Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 5.

ско-ленинская диалектика); на нем зиждется вся национальная теория доказательств; на него опирались и продолжают опираться фундаментальные процессуальные и криминалистические исследования. Использование же иных, возможно, ничем не уступающих концептуальных методов познания, объективно потребует пересмотра большинства существующих научных положений и создания новых альтернативных теорий. Есть ли в этом какой-либо здравый смысл, будет ли это способствовать эффективности доказывания, назначению уголовного судопроизводства, в частности обеспечению прав участвующих в нем уголовном лиц — вопрос крайне сложный и неоднозначный.

Безусловно не следует забывать, что в советский период развития уголовно-процессуальной науки диалектический материализм расценивался не просто как основной методологический подход к сущности познания. В контексте проводимой советским государством радикальной политики диалектический материализм приобрел официальный государственный статус и фактически превратился в неоспоримую научную догму. Иные философские идеи, пусть даже выдвинутые в духе диалектического материализма, но тем не менее не соответствующие господствующей марксистско-ленинской теории, изначально были обречены на провал.

Вместе с тем идея полного отвержения концепции диалектического материализма в уголовно-процессуальном познании нам представляется явно неконструктивной и имеющей такую же идеологическую окраску, но только с противоположным знаком. Мы полагаем, что современные подходы к сущности познания в уголовном судопроизводстве должны носить более умеренный, в некотором роде компромиссный, характер.

Безусловно, что диалектический материализм успел хорошо себя зарекомендовать в качестве всеобщего метода познания в теории уголовно-процессуального доказывания. Тем более что в работах по диалектическому материализму унаследованы многие мировоззренческие идеи других философских школ и направлений, история которых насчитывает не одну сотню лет. Как отмечается в философской литературе, диалектико-материалистическое учение об истине является преемником классической концепции истины и вместе с тем представляет собой качественно новый этап в ее развитии⁹. А истоки самой классической концепции восходят к античной философии; первые попытки ее те-

оретического осмысления были предприняты еще Платоном и Аристотелем¹⁰.

В связи с изложенным мы не видим никаких причин для поиска принципиально иных, альтернативных концептуальных подходов к сущности уголовно-процессуального познания. Мы согласны с А.А. Давлетовым, считаем, что содержание уголовно-процессуального познания не может быть выяснено без привлечения диалектической теории познания. Она необходима в качестве методологической основы как для толкования правовых норм, регламентирующих познание по уголовному делу, так и для выявления иных, не урегулированных законом ее сторон и, в итоге, для получения системной и целостной картины уголовно-процессуального познания¹¹. Однако при этом существующий диалектико-материалистический подход не должен быть лишен возможности заимствования отдельных положений и взглядов из области других философских учений.

Для диалектического метода познания характерно несколько базовых положений: 1) о первичности материи и вторичности сознания; 2) возможности познания человеком объективного мира; 3) об объективной, относительной и абсолютной истине; 4) о ступенях познания; 5) о роли общественно-исторической практики в познании и т.д.¹²

Существует и еще одна весьма важная закономерность диалектического материализма — способность материи к отражению. По мнению Р.С. Белкина, эта способность «существует в фундаменте самого здания материи»¹³.

В философской литературе под отражением понимается свойство материи (материальных систем) в процессе взаимодействия посредством своих особенностей воспринимать особенности других систем¹⁴. В ходе отражения осуществляется как бы «перевод» некоторого содержания (отражаемого) в та-

¹⁰ Там же. С. 13.

¹¹ См.: Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург, 1997. С. 20.

¹² См.: Дорохов В.Я. Марксистско-ленинская гносеология — основа теории доказательств. В кн.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973. С. 36. При этом следует отметить, что в названной работе выделялась и еще одна закономерность: партийность гносеологии. Однако очевидно, что она имела явно политический уклон и являлась следствием глубокой привязанности советского уголовно-процессуального права к марксизму-ленинизму.

¹³ Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 118, 119.

¹⁴ См.: Коршунов А.М. Сущность отражения. В кн.: Диалектика процесса познания / под ред. М.Н. Алексеева, А.М. Коршунова. М., 1985. С. 25.

⁹ См.: Чудинов Э.М. Природа научной истины. М., 2010. С. 35.

кую форму, в которой это содержание становится внутренним достоянием отражающего. Тем самым вещи как бы оставляют свой след друг в друге, существуют не только «в себе», но и «в другом»¹⁵. Некоторые представители марксистско-ленинской философии писали об отражении в широком смысле, относящемся к любым проявлениям объективной действительности, и узком смысле, относящемся исключительно к человеческому сознанию. Причем узкий смысл отражения ими отождествлялся с познанием¹⁶.

Как отмечал известный болгарский философ Т. Павлов, теория отражения позволяет объяснить сущность процесса познания и доказывания в различных сферах человеческой деятельности¹⁷.

Таким образом, очевидно, что подобное свойство материи играет первостепенную роль и в сущности доказательств. Причем особая ценность данного свойства обусловлена преимущественно ретроспективным характером уголовно-процессуального познания. Ведь обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), как правило, находятся в прошлом. Так, обстоятельства подготовки или совершения преступления всегда опережают по времени деятельность органов дознания, следователя или суда по их установлению и исследованию. Они не могут быть изучены непосредственно или воспроизведены повторно. Это же касается и многих других обстоятельств, постигаемых субъектами познания в ходе уголовного судопроизводства. Поэтому подобные обстоятельства в большинстве случаев могут быть установлены лишь посредством оставшихся следов — отражений прошлого. «Именно такие следы — отражения прошлого события в памяти людей, на предметах, в документах несут сведения, которые являются тем объективным материалом, на котором основывается ретросказательное исследование и формируются его выводы»¹⁸.

Правда, здесь необходимо оговориться. Ретроспективность процессуального познания, на наш взгляд, не носит исключительно характера. При расследовании и судебном разбирательстве уголовного дела встречаются некоторые обстоятельства, которые существуют в настоящем времени. Например, это

могут быть обстоятельства, влияющие на вид и размер уголовного наказания: прежняя судимость виновного, наличие у него на иждивении малолетних детей и т.д. С.В. Курылев характеризовал подобные обстоятельства как факты, которые, возникнув до процесса, вне процесса, продолжают существовать и во время процесса. Более того, именно с их наличием во время разбирательства дела, а не только в прошлом, закон в ряде случаев и связывает юридические последствия¹⁹.

Кстати, к подобным обстоятельствам можно отнести и основания для избрания в отношении обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста. Как известно, в настоящее время эти основания могут быть установлены лишь посредством надлежащей проверки представленных сведений в ходе судебного заседания (ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

Однако все вышеприведенные исключения не имеют концептуального значения; они не связаны с главным фактом (событием преступления, виновностью и т.д.), а скорее влияют на решение частных вопросов: о виде наказания, его размере, об избрании меры пресечения и т.п. И к тому же, несмотря на их действительность во время производства по уголовному делу, органы предварительного расследования и суд зачастую познают их также по следам — отображениям (справкам, характеристикам, копиям приговоров и т.п.). Таким образом, подобные обстоятельства можно охарактеризовать как исключения, которые лишь подтверждают правило о ретроспективности уголовно-процессуального познания.

Для рассмотрения сущности ретроспективного процессуального познания с позиции диалектико-материалистических закономерностей отражения целесообразно взять за основу схематическую концепцию, предложенную А.А. Давлетовым. Он полагает, что такое познание можно представить по формуле: $C \rightarrow O^2 \leftrightarrow O^1$, где C — это субъект познания, O^1 — само преступление и иные явления, произошедшие или существующие вне личного восприятия субъектами познания, а O^2 — объекты, обладающие следами преступления или сохранившие их к моменту уголовно-процессуального познания, в силу чего изучаемые непосредственно. Стрелки в данном случае означают средства и способы, применяемые субъектом при исследовании объекта. Представленная схема является производной от общей формулы познания: $C \rightarrow O$; ее специфика обусловлена ретроспективным харак-

¹⁵ Там же. С. 27.

¹⁶ См.: Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957. С. 12–14; Нарский И.С. Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории познания. М., 1966. С. 34.

¹⁷ См.: Павлов Т. Информация, отражение, творчество. М., 1967. С. 3.

¹⁸ См.: Уголовно-процессуальное право РФ / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2009. С. 282, 283.

¹⁹ См.: Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. С. 15.

тером познания при производстве по уголовному делу²⁰.

При этом А.А. Давлетов считает, что специфика ретроспективного познания заключается в том, что оно осуществляется на основе двойного отражения. Первое отражение, возникающее в момент совершения преступления на окружающих его явлениях и вещах, носит объективный характер. Второе же отражение, возникающее в сознании субъектов процессуального познания (доказывания), является субъективным²¹.

Приняв данную схему за основу, вместе с тем не мы не разделяем мнение автора по ее отдельным позициям и приходим к выводу о необходимости ее совершенствования.

Так, во-первых, представляется не совсем правильным довод о безусловной объективности первичного отражения. Для аргументации нашей точки зрения вновь обратимся к философской литературе. Марксистско-ленинская философия действительно наделяла отражение изоморфным характером, предполагающим известное тождество отражаемого и отраженного²². В частности, Н.И. Дейнеко писал об адекватном отражении внешне-материального во внутренне-идеальном как о процессе сугубо объективном²³.

Вместе с тем зарубежные авторы решают эту проблему более тонко и не так категорично. В частности, известный британский философ К.Р. Поппер весьма критически оценивает вышеуказанный подход, называя его «бадейной» теорией или теорией «*Tabula rasa*» (от лат. «чистая доска»). «Суть этого подхода, — пишет ученый, — заключается в том, что человеческое сознание представляет собой пустую бадью (чистую доску), где накапливается материал, поступающий туда через органы чувств». Причем, по мнению автора, одной из основных ошибок «бадейной» теории является тезис о том, что существует непосредственное или прямое знание, т.е. чистые, неискаженные элементы информации, которые вошли в нас и остаются пока не переваренными²⁴. К.Р. Поппер указывает, что почти все люди — хорошие наблюдатели

и восприниматели, но не следует класть этот факт в основание какого бы то ни было догматизма — прямого, непосредственного или интуитивного знания, поскольку мы иногда ошибаемся; мы никогда не должны забывать о нашей погрешимости²⁵.

Аналогичные взгляды можно встретить и в трудах некоторых отечественных специалистов. Так, советский философ Э.М. Чудинов в своих работах подвергал критике «наивные» формы классической концепции истины (напомним, что эта концепция явилась базой для диалектического материализма) именно из-за простого копирования сознанием реальности. Он писал, что соответствие знаний действительности не является простым и однозначным, а сопряжено с целым рядом конвенций и соглашений²⁶.

В свою очередь, один из ведущих отечественных специалистов в области диалектического познания А.П. Шептулин говорил, что сознание не просто отражает действительность, а отражает ее субъективно, не пассивно, а активно, с определенными изменениями, преобразованиями, не механически, а творчески²⁷.

В современной философии и психологии такая особенность восприятия человеческим сознанием отраженных обстоятельств объективной действительности называется принципом активности. Каждый человек воспринимает одни и те же события или явления по-разному, посредством сугубо индивидуальной работы своих органов чувств, течения психофизиологических процессов и при активной роли сознания, т.е. субъективно.

В качестве примера подобного субъективного восприятия применительно к уголовному судопроизводству можно привести случай, когда гулявший во дворе в темное время суток свидетель точно запомнил, что выскочивший из подъезда человек был одет в дубленку. Однако впоследствии выяснилось, что в момент совершения преступления на обвиняемом была матерчатая куртка, которая в темноте могла действительно быть вполне воспринята как дубленка.

Полагаем, что рассмотренный первичный субъективизм характерен для всех доказательств, связанных с отражением значимой информации в сознании человека²⁸ (для показаний, заключений эксперта, специалиста и

²⁰ См.: Давлетов А.А. Указ. соч. С. 23, 25, 27.

²¹ Там же. С. 28.

²² См.: Тюхтин В.С. Отражение, системы, кибернетика. Теория отражения в свете кибернетики и системного подхода. М., 1972. С. 79–85; Коршунов А.М. Указ. соч. С. 26.

²³ См.: Дейнеко Н.И. Объективное и субъективное в процессе отражения (философский аспект). Киев–Одесса, 1978. С. 12.

²⁴ См.: Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д.Г. Лахути; отв. ред. В.Н. Садовский. М., 2002. С. 67.

²⁵ Там же. С. 69, 70.

²⁶ См.: Чудинов Э.М. Указ. соч. С. 18.

²⁷ См.: Шептулин А.П. Диалектический метод познания. М., 1983. С. 101.

²⁸ Такие доказательства в теории уголовного процесса иногда именуют личными (см.: Уголовный процесс / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2005. С. 216, 217).

иных документов). А первичным объективизмом характеризуются лишь вещественные доказательства и протоколы следственных действий и судебного заседания. Причем объективный характер протоколов не является бесспорным. Таким образом, мы предлагаем разделить все объекты процессуального познания на два вида: материальные, предполагающие первичное отражение информации в элементах вещной обстановки, и идеальные, связанные с отражением информации в сознании человека (по аналогии с материальными и идеальными следами в криминалистике). Каждый из этих видов характеризуется своими особенностями процессуального познания и формирования соответствующих доказательств, о чем подробно будет говориться в дальнейшем.

Во-вторых, на наш взгляд, требует определенного пересмотра позиция А.А. Давлетова о фактически двухступенчатом объекте процессуального познания. Так, по мнению автора, этот объект следует рассматривать в единстве обстоятельств, подлежащих установлению, и объектов, обладающих следами преступления. Причем первые выступают в качестве цели познания, а вторые — как средства ее достижения²⁹. Таким образом, по его мнению, объектами процессуального познания выступают и сами обстоятельства (одна ступень), и непосредственно взаимодействующие с субъектами познания свидетели, предметы материального мира, окружающая обстановка и т.д. (другая ступень).

Но так ли это на самом деле? Полагаем, что для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к общефилософскому пониманию объекта познания.

Согласно одной из наиболее распространенных в философии точек зрения объектом считается то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности. Объект не просто тождествен объективной реальности, а выступает как такая ее часть, которая находится во взаимодействии с субъектом, причем само выделение объекта познания осуществляется при помощи форм практической и познавательной деятельности, выработанных обществом и отражающих свойства объективной реальности³⁰. Иными словами, объект есть источник познания³¹. При этом некоторые философы понимают под объектом лишь ма-

териальные вещи³². Другие рассматривают объект познания более широко, относя к нему также и духовные продукты — идеи, чувства, мысли, включенные в сферу познавательно-практической деятельности людей³³.

Если же взглянуть на эту общефилософскую концепцию сквозь призму уголовного судопроизводства, то становится очевидным, что объектами процессуального познания выступают лишь те фрагменты объективной действительности, которые находятся во взаимодействии со следователем, судом и иными субъектами процессуального познания и являются его источниками. Таковыми могут быть люди, элементы вещной обстановки, предметы материального мира, которые сохранили на себе (в себе) определенные следы преступления (иных значимых событий и обстоятельств). Именно на них направлено процессуальное познание; именно они являются теми объектами, с которыми непосредственно сталкиваются субъекты познания.

В подобном ключе об объекте познания в уголовном судопроизводстве пишут некоторые ученые-процессуалисты. Так, в частности В.С. Зеленецкий, понимает под объектом познания по уголовному делу то, на что направлена познавательная деятельность; то, чем овладевают субъекты познания с целью установления истины³⁴. Он же указывает, что объект уголовно-процессуального познания может быть как материальным, так и идеальным³⁵.

Однако при этом следует вспомнить, что в гносеологии существует и принципиально иной, ничуть не менее авторитетный подход к сущности объекта познания. Согласно этому подходу под объектом познания в самом широком смысле следует понимать всю объективную реальность³⁶. Следовательно, если данный подход применить к сущности познания в уголовном процессе, то к объекту такого познания, несомненно, можно будет отнести не только то, с чем взаимодействуют субъек-

³² См.: Борисов И.И. Методологические вопросы трактовки категории «объект» // Категории диалектики и методология современной науки / под ред. Б.Я. Замбровского, Б.Я. Пахомова, В.А. Сидоркина. Воронеж, 1970. С. 23.

³³ См.: Дейнеко Н.И. Указ. соч. С. 16; Кириллов В.И. Логика познания сущности. М., 1980. С. 54.

³⁴ См.: Зеленецкий В.С. Проблемы формирования совокупности доказательств в уголовном процессе. Харьков, 2004. С. 36.

³⁵ Там же. С. 44, 45.

³⁶ См.: Ахлибинский Б.В., Арлычев В.Г. Диалектика взаимодействия субъекта и объекта познания. В кн.: Материалистическая диалектика. Т. 2 / под общ. ред. Ф.В. Константинова и В.Г. Марахова; отв. ред. В.Г. Иванов. М., 1982. С. 16.

²⁹ См.: Давлетов А.А. Указ. соч. С. 26.

³⁰ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 453.

³¹ См.: Петров Ю.В. Субъект и объект познания. В кн.: Диалектика процесса познания / под ред. М.Н. Алексева, А.М. Коршунова. С. 18.

екты познания, а вообще любые фрагменты реальности, в том числе и обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу. В этой связи В.Д. Арсеньев прямо писал об объектах уголовно-процессуального познания как об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу³⁷.

Получается, что при такой постановке вопроса верной скорее оказывается изложенная выше позиция А.А. Давлетова?

Нет, мы считаем, что это не совсем так. Дело в том, что данный гносеологический подход предполагает рассмотрение объекта познания как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле объектом познания действительно признается вся объективная реальность, причем ее следует понимать как некую идеализацию³⁸. Однако, по мнению сторонников рассматриваемого подхода, подобную идеализацию нельзя абсолютизировать. «Если под объектом познания мы будем понимать всю объективную реальность, — пишут Б.В. Ахлибинский и В.Г. Арлычев, — то тем самым мы вынуждены абстрагироваться от наиболее существенного аспекта познавательной деятельности и допустить, что познание общего есть единственная цель исследования. Такая постановка вопроса не ориентирует теорию познания на исследование механизмов реального взаимодействия субъекта и объекта познания. Ведь если мы берем конкретный отрезок времени, то объектом познания оказывается определенная ограниченная часть объективной реальности, именно та, которая попадает в сферу интересов субъекта и с которой субъект может взаимодействовать»³⁹. Авторы фактически приходят к выводу о существовании объекта познания в узком смысле, который, в отличие от объекта в широком смысле, уже не является идеализацией, а представляет собой те проявления объективной действительности, с которыми приходится непосредственно взаимодействовать субъекту познания.

Кроме того, использование идеализации и идеализированных объектов, — отмечает один из современных отечественных философов А.Л. Никифоров, — наиболее характерно именно для научного познания⁴⁰.

При этом весьма очевидно, что в уголовном судопроизводстве, т.е. деятельно-

сти явно не научной, а сугубо прикладной, к тому же имеющей четко сформулированное в законе назначение, актуален не какой-то абстрактный объект-идеализация, а именно конкретные объекты, находящиеся во взаимодействии с судом, следователем и прочими субъектами процессуального познания. Таким образом, и этот широкий философский подход нельзя принимать в качестве методологической основы для признания объектами уголовно-процессуального познания обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Вместе с тем полное игнорирование указанного подхода при формировании модели познания в уголовном судопроизводстве было бы большой ошибкой. Деятельность суда, следователя, дознавателя подчинена общим законам гносеологии независимо ни от каких формальных рамок, установленных правовыми нормами. Следовательно, объект познания преступления в широком смысле все-таки существует; его не может не быть. Однако представляется, что под ним следует понимать гораздо более пространную категорию, чем обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу (о чем писал В.Д. Арсеньев).

Полагаем, что в контексте уголовного судопроизводства объектом познания в широком смысле является совокупность всех обстоятельств, связанных с преступлением как частью объективной реальности. Причем такие обстоятельства могут быть самого различного рода и характера. Преступление — это сложное, многогранное негативное социально-правовое явление, представляющее интерес для многих направлений человеческой деятельности, в частности, для социологии, психологии, криминологии, педагогики, уголовного права, криминалистики, судебной статистики и т.д. По этому поводу А.А. Давлетов справедливо указывает, что перед каждой такой разновидностью познания стоят свои, присущие только ей задачи, обуславливающие исследование данного объекта (преступления) с разных сторон⁴¹. В свою очередь, В.С. Зененецкий выделяет уголовно-правовой, криминологический, процессуальный, информационный, психологический и другие объекты познания преступления⁴².

При подобном многостороннем понимании объекта само познание уже теряет свою сугубо практическую направленность; в нем явно прослеживаются элементы научной деятельности (о чем писал А.Л. Никифоров). А

³⁷ См.: Арсеньев В.Д. К вопросу о предмете и объекте доказывания по уголовным делам. В кн.: Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам. Красноярск, 1987. С. 26.

³⁸ См.: Ахлибинский Б.В., Арлычев В.Г. Указ. соч. С. 16.

³⁹ Там же. С. 17.

⁴⁰ См.: Никифоров А.Л. Философия науки: история и теория. М., 2010. С. 126.

⁴¹ См.: Давлетов А.А. Указ. соч. С. 123.

⁴² См.: Зеленецкий В.С. Указ. соч. С. 37–44.

круг познаваемых обстоятельств в своей совокупности превращается в некую идеализацию, что полностью согласуется с общепризнанным философским подходом к объекту познания в широком смысле.

И на фоне всех этих обстоятельств существуют отдельные (далеко не все) фрагменты объективной действительности, связанные с совершением преступления, которые должны быть познаны, установлены для решения задач, стоящих перед уголовным судопроизводством. В процессе расследования и судебного разбирательства уголовного дела судья, следователь, иные субъекты доказывания, основываясь на предписаниях УПК РФ, а также на своих знаниях и опыте, как бы мыслительно вытаскивают эти фрагменты из общего объекта познания преступления и концентрируют на них свое внимание.

В этой связи следует обратить внимание, что в философии для обозначения данной категории существует соответствующий термин — «предмет познания». Так, Б.В. Ахлибинский и В.Г. Арлычев писали, что предметом познания становятся прежде всего те аспекты объективной реальности, знания о которых необходимы для практической деятельности общества⁴³. В зависимости от субъекта, его целей, интересов и т.д., — подчеркивал В.И. Кириллов, — выделяются различные стороны объекта познания, и на этой основе формируется предмет познания⁴⁴.

Как бы развивая данную философскую позицию, А.А. Давлетов совершенно справедливо отметил, что определение предмета уголовно-процессуального познания сводится, таким образом, к выявлению того круга свойств и отношений объекта познания по уголовному делу, изучение которого необходимо для решения задач уголовного судопроизводства⁴⁵. Полностью разделяя подобную точку зрения, мы полагаем, что применительно к уголовно-процессуальной деятельности в роли предмета познания выступают те самые обстоятельства, события, явления, факты, наличие или отсутствие которых требуется установить по уголовному делу.

Более того, напомним, что в науке уголовного процесса существует давно устоявшийся и общепринятый термин «предмет доказывания», под которым понимается совокупность обстоятельств, подлежащих установлению (доказыванию) по уголовному

делу⁴⁶. Причем анализ литературы позволяет констатировать схожесть позиций, высказываемых в отношении предмета доказывания с нашими рассуждениями, касающимися предмета процессуального познания. Так, А.А. Эйсман утверждал, что предмет доказывания — это система обстоятельств, выражающих свойства и связи исследуемого события, существенные для правильного разрешения уголовного дела⁴⁷. Н.П. Кузнецов писал, что если объектом доказывания является фактическая сторона преступления, то предметом доказывания — те и только те факты и обстоятельства, которые имеют значение для правильного разрешения дела и выполнения задач уголовного процесса⁴⁸. Следует также обратить внимание на позицию В.А. Банина, писавшего, что знание судьей, следователем и другими субъектами схемы предмета доказывания выступает как результат изучения ими текста закона, уголовно-правовой и процессуальной литературы, а также обобщения собственного опыта расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел, т.е. как результат профессионализации⁴⁹ (напомним, что выше мы писали о выделении предмета процессуального познания из общего объекта познания именно посредством предписаний УПК, знаний и опыта).

Вместе с тем, говоря о предмете доказывания в уголовном судопроизводстве, нельзя не вспомнить о существовании как широкого, так и узкого подходов к его содержанию. Широкий подход предполагает включение в предмет доказывания любых обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу⁵⁰. В этом случае предмет доказывания и рассмотренный выше предмет процессуального познания фактически тождественны. С.А. Шейфер специально указывает на целе-

⁴⁶ См.: Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 260; Трусов А.И. Предмет доказывания и доказательства по уголовному делу. В кн.: Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 543; Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 43 и т.д.

⁴⁷ См.: Эйсман А.А. Понятие предмета доказывания. В кн.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973. С. 139.

⁴⁸ См.: Кузнецов Н.П. Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1998. С. 16.

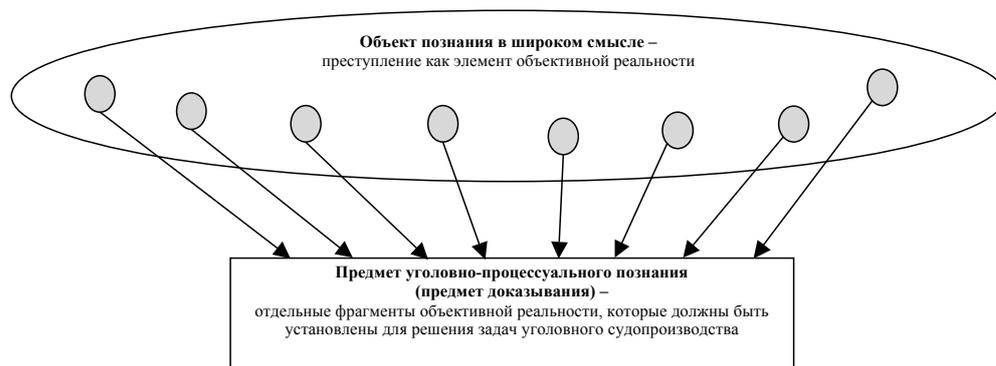
⁴⁹ См.: Банин В.А. Предмет доказывания в советском уголовном процессе (гносеологическая и правовая природа). Саратов, 1981. С. 16.

⁵⁰ См.: Ларин А.М. Работа следователя с доказательствами. М., 1966. С. 8, 9; Шейфер С.А. Указ. соч. С. 79, 80.

⁴³ См.: Ахлибинский Б.В., Арлычев В.Г. Указ. соч. С. 17.

⁴⁴ См.: Кириллов В.И. Указ. соч. С. 62.

⁴⁵ См.: Давлетов А.А. Указ. соч. С. 123.

сообразность их однозначности и взаимосоответствия⁵¹.

В соответствии с узким подходом к предмету доказывания относятся не все, а лишь некоторые обстоятельства уголовного дела, например, только обстоятельства, имеющие юридическое значение (уголовно-правовой или уголовно-процессуальный смысл) или только обстоятельства, учитываемые при разрешении дела по существу и т.д.⁵² При таком понимании предмета доказывания его объем значительно уже предмета познания, поскольку последний включает в себя и иные фрагменты объективной действительности, подлежащие установлению для решения задач уголовного судопроизводства.

В настоящей работе мы не ставим задачу, связанную с более подробным исследованием предмета процессуального познания и предмета доказывания. Данный вопрос поднимался лишь для того, чтобы определить их место в общей схеме уголовно-процессуального познания. А для решения подобной проблемы не так уж и важно, являются ли эти категории тождественными или все-таки первая по своему объему более широкая. Ведь независимо от своего объема они имеют очень близкую гносеологическую сущность — являются фрагментами объективной действительности (объекта познания в широком смысле), которые должны быть установлены для решения задач уголовного судопроизводства (см. схему 1). Поэтому в дальнейшем будем рассматривать предмет процессуального познания и предмет доказывания совместно.

Возвращаясь к взятой за основу схеме уголовно-процессуального познания

$S \rightarrow O^2 \leftrightarrow O^1$, мы хотели вступить в дискуссию с ее автором еще по ряду вопросов, касающихся связей между ее элементами, которые обозначены соответствующими стрелками. Так, А.А. Давлетов обозначает взаимосвязь O^1 и O^2 (в контексте наших рассуждений — объекта и предмета познания) значком « \leftrightarrow », что предполагает их взаимное воздействие друг на друга.

Однако полагаем, что такое воздействие существует только с общефилософской точки зрения. Безусловно, что любые объекты, взаимодействуя друг с другом, являются одновременно и отражающими, и отражаемыми, т.е. находятся в состоянии взаимоотражения⁵³. Но в контексте уголовно-процессуального познания потенциальная возможность такого взаимоотражения не имеет никакого практического значения. Ведь суд, следователь и иные субъекты, как уже отмечалось выше, реально взаимодействуют не с предметом, а лишь с конкретными следами-отображениями, т.е. объектами познания в узком смысле. Следовательно, факт обратного отражения объекта познания в его предмете не может быть установлен с помощью регламентированных законом процедур и лишен всякого смысла. Например, вряд ли будет необходимым, уже располагая доказанным фактом совершения преступления, через него устанавливать элементы вещной обстановки или лиц, запечатлевших соответствующие сведения.

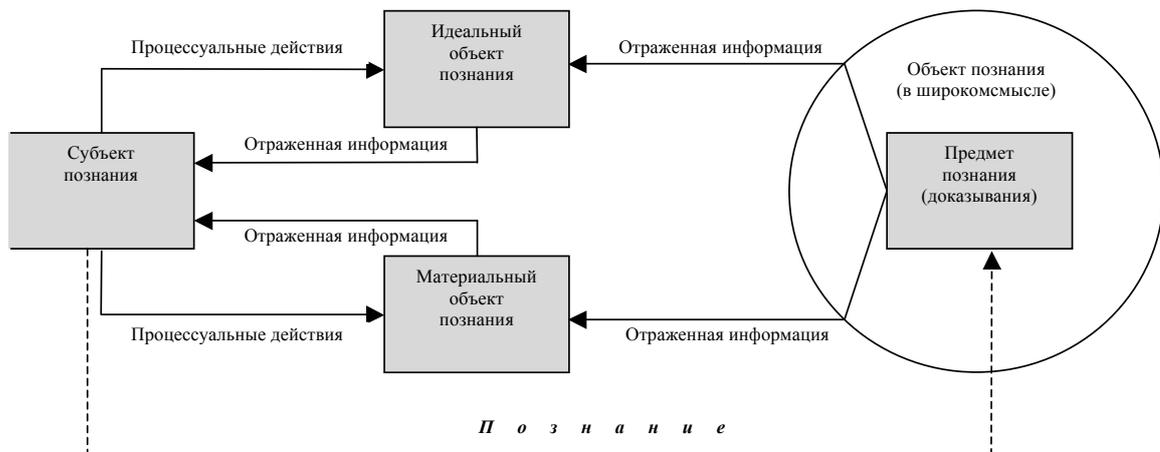
Таким образом, используемую А.А. Давлетовым двустороннюю стрелку « \leftrightarrow » предлагаем заменить на одностороннюю « \leftarrow »; ей следует обозначать информацию о предмете познания, которая отразилась на (в) каком-то отдельном объекте.

⁵¹ См.: Шейфер С.А. Указ. соч. С. 80.

⁵² См.: Курылев С.В. Указ. соч. С. 28; Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. М., 1969. С. 29; Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М., 2008. С. 47.

⁵³ См.: Жуков М.И. Информация (философский анализ информации — центрального понятия кибернетики). Минск, 1966. С. 20, 21.

Схема 2

Ну и наконец, последнее. Взаимосвязь субъекта познания со следами-отображениями (объектом в узком смысле) в схеме А.А. Давлетова обозначена значком «→», очевидно, предполагающим одностороннее воздействие субъекта на объект. Безусловно, что такое воздействие существует. Оно заключается в активной деятельности суда, следователя, дознавателя в проведении соответствующих следственных, судебных и других процессуальных действий, направленных на обнаружение, восприятие и фиксацию сведений, запечатленных на (в) объектах познания и являющихся отражением предмета познания. Но при этом также следует учитывать и обратное воздействие объектов познания, в процессе которого указанные сведения как бы переходят в распоряжение субъектов, вторично отражаясь в их сознании. Кстати, напомним, что сам А.А. Давлетов указывал на механизмы двойного отражения, действующие в сфере ретроспективного познания.

В основе взаимодействия суда, следователя, дознавателя с объектами уголовно-процессуального познания по существу лежат те же гносеологические закономерности отражения, которые присущи взаимосвязи предмет–объект, но носящие при этом вторичный, производный характер. Более того, полагаем, что именно эти закономерности являются определяющими как при формировании любого уголовно-процессуального доказательства, так и всего уголовно-процессуального познания в целом, поскольку конечным адресатом информации о фактах, событиях, явлениях, имеющих значение для уголовного дела, является соответствующий субъект познания — суд, дознаватель или следователь — уполномоченный придать ей правовой характер.

Следовательно, при схематическом определении взаимосвязи субъекта и объекта процессуального познания целесообразно использовать дополнительную стрелку «←», указывающую на рассмотренный выше механизм вторичного отражения.

Итак, с учетом всех содержащихся в настоящей статье рассуждений и выводов схематическая концепция уголовно-процессуального познания должна быть представлена в следующем виде (см. схему 2).

Однако при этом сразу необходимо принять во внимание, что данная схема является лишь базовой. В ней представлен самый простой вариант процессуального познания, не обремененный различными промежуточными элементами. Вместе с тем, очевидно, что в реальных условиях расследования и судебного разбирательства уголовных дел структура процессуального познания не отличается такой простотой и легкостью.

Например, в случае работы с производными доказательствами, как известно, связанными с опосредованным получением значимой для дела информации («из вторых рук»), в схеме должен появиться еще один элемент — дополнительный материальный или идеальный объект познания, который, получая информацию из первоисточника, подлежит непосредственному восприятию судом, следователем или дознавателем. Однако наиболее сложной представляется модификация данной схемы применительно к работе с косвенными доказательствами, которые указывают не на сам предмет познания (доказывания), а на предшествующие, сопутствующие или следующие за ним обстоятельства. Косвенные доказательства предполагают установление каких-либо промежуточных фактов, событий или явлений,

на основании которых субъекты познания аналитическим путем, посредством своих логических умозаключений определяют наличие или отсутствие самих обстоятельств, входящих в предмет познания (доказывания). «Косвенное доказывание, — пишет А.А. Хмыров, — представляет достаточно сложный и длящийся процесс, в котором можно вполне четко выделить, по меньшей мере, две ступени (или, что то же самое, два этапа). На первом из этих этапов достигается достоверное знание о промежуточных фактах. На втором — из этих фактов делаются выводы о наличии или отсутствии события преступления, его юридической квалификации, виновности лица, совершившего это преступление, и обо всех других имеющих правовое значение обстоятельствах»⁵⁴. Поэтому работа с косвенными доказательствами фактически предполагает появление в предложенной нами схеме еще одного дополнительного звена — промежуточного предмета познания.

Очевидно, что предложенная схема будет также иметь свои особенности в контексте формирования некоторых видов доказательств. В частности, заключение эксперта или специалиста будет связано с необходимостью включения в схему дополнительного субъекта познания, непосредственно взаимодействующего с объектом, а затем передающего имеющиеся у него сведения (результаты экспертного исследования, выводы

или суждение) дознавателю, следователю или суду. Определенная специфика имеется и при использовании в доказывании письменных или других документов, предусмотренных ст. 84 УПК РФ, поскольку они всегда имеют как бы искусственное происхождение, являются плодом активной деятельности человека. Следовательно, документ сам по себе (если только он не обладает признаками вещественного доказательства) не может взаимодействовать с предметом познания; он лишь в материально-фиксированной форме содержит сведения, ранее воспринятые другим объектом — человеком, а точнее, его сознанием.

В какой-то степени аналогичным образом следует охарактеризовать протоколы следственных действий, оглашаемые в судебном заседании; для суда такие материалы фактически приобретают значение документов. Но к рассмотрению этой проблемы мы вернемся в последующем.

Таким образом, при практическом осуществлении механизмов уголовно-процессуального познания предложенная схема-концепция действует в своих различных модификациях, обусловленных способом возникновения значимой для дела информации, ее характером, содержанием, а также особенностями формирования и исследования соответствующих доказательств. Причем эти модификации могут использоваться как раздельно, так и в совокупности.

Библиография:

1. Арсеньев В.Д. К вопросу о предмете и объекте доказывания по уголовным делам. В кн.: Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам. — Красноярск, 1987.
2. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. — Екатеринбург, 2004.
3. Банин В.А. Предмет доказывания в советском уголовном процессе (гносеологическая и правовая природа). — Саратов, 1981.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1. — М., 1997.
5. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. — Екатеринбург, 1997.
6. Дейнеко Н.И. Объективное и субъективное в процессе отражения (философский аспект). — Киев—Одесса, 1978.
7. Диалектика процесса познания / под ред. М.Н. Алексеева, А.М. Коршунова. — М., 1985.
8. Жуков М.И. Информация (философский анализ информации — центрального понятия кибернетики). — Минск, 1966.
9. Зеленецкий В.С. Проблемы формирования совокупности доказательств в уголовном процессе. — Харьков, 2004.
10. Категории диалектики и методология современной науки / под ред. Б.Я. Замбровского, Б.Я. Пахомова, В.А. Сидоркина. — Воронеж, 1970.
11. Кириллов В.И. Логика познания сущности. — М., 1980.
12. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. — Воронеж, 1995.

⁵⁴ Хмыров А.А. Косвенные доказательства в уголовных делах. СПб., 2005. С. 33.

13. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. — М., 1989.
14. Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. — Минск, 1969.
15. Ларин А.М. Работа следователя с доказательствами. — М., 1966.
16. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. — М., 1973.
17. Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. — М., 1969.
18. Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе. — М., 1966.
19. Материалистическая диалектика: в 5 т. Т. 2 / под общ. ред. Ф.В. Константинова и В.Г. Марахова; отв. ред. В.Г. Иванов. — М., 1982.
20. Нарский И.С. Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории познания. — М., 1966.
21. Никифоров А.Л. Философия науки: история и теория. — М., 2010.
22. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. — М., 2009.
23. Павлов Т. Информация, отражение, творчество. — М., 1967.
24. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д.Г. Лахути, отв. ред. В.Н. Садовский. — М., 2002.
25. Россинский С.Б. О сущности доказательств на современном этапе развития уголовно-процессуальной науки: постановка проблемы // Законы России. — 2013. — № 6.
26. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. — М., 1957.
27. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. — М., 1968.
28. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. — М., 1955.
29. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. — М., 1973.
30. Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. — М., 1960.
31. Тюхтин В.С. Отражение, системы, кибернетика. Теория отражения в свете кибернетики и системного подхода. — М., 1972.
32. Уголовный процесс / под ред. К.Ф. Гуценко. — М., 2005.
33. Уголовно-процессуальное право РФ / отв. ред. П.А. Лупинская. — М., 2009.
34. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. — М., 2008.
35. Философский энциклопедический словарь. — М., 1983.
36. Хмыров А.А. Косвенные доказательства в уголовных делах. — СПб., 2005.
37. Чудинов Э.М. Природа научной истины. — М., 2010.
38. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. — М., 2008.
39. Шептулин А.П. Диалектический метод познания. — М., 1983.

References (transliteration):

1. Arsen'ev V.D. K voprosu o predmete i ob'ekte dokazyvaniya po ugovolnym delam. V kn.: Problemy dokazatel'stvennoi deyatel'nosti po ugovolnym delam. — Krasnoyarsk, 1987.
2. Balakshin V.S. Dokazatel'stva v teorii i praktike ugovolno-processual'nogo dokazyvaniya. — Ekaterinburg, 2004.
3. Banin V.A. Predmet dokazyvaniya v sovetskom ugovolnom processe (gnoseologicheskaya i pravovaya priroda). — Saratov, 1981.
4. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki: v 3 t. Т. 1. — М., 1997.
5. Davletov A.A. Osnovy ugovolno-processual'nogo poznaniya. — Ekaterinburg, 1997.
6. Deineko N.I. Ob'ektivnoe i sub'ektivnoe v processe otrazheniya (filosofskii aspekt). — Kiev-Odessa, 1978.
7. Dialektika processa poznaniya / pod red. M.N. Alekseeva, A.M. Korshunova. — М., 1985.
8. Zhukov M.I. Informaciya (filosofskii analiz informacii central'nogo ponyatiya kibernetiki). — Minsk, 1966.
9. Zeleneckii V.S. Problemy formirovaniya sovokupnosti dokazatel'stv v ugovolnom processe. — Har'kov, 2004.
10. Kategorii dialektiki i metodologiya sovremennoi nauki / pod red. B.Ya. Zambrovskogo, B.Ya. Pahomova, V.A. Sidorkina. — Voronezh, 1970.
11. Kirillov V.I. Logika poznaniya sushnosti. — М., 1980.
12. Kokorev L.D., Kuznecov N.P. Ugovolnyi process: dokazatel'stva i dokazyvanie. — Voronezh, 1995.
13. Kurs sovetskogo ugovolnogo processa. Obshaya chast' / pod red. A.D. Boikova, I.I. Karpeca. — М., 1989.

14. Kurylev S.V. Osnovy teorii dokazyvaniya v sovetskom pravosudii. — Minsk, 1969.
15. Larin A.M. Rabota sledovatelya s dokazatel'stvami. — M., 1966.
16. Luzgin I.M. Metodologicheskie problemy rassledovaniya. — M., 1973.
17. Luzgin I.M. Rassledovanie kak process poznaniya. — M., 1969.
18. Lupinskaya P.A. Dokazyvanie v sovetskom ugovnom processe. — M., 1966.
19. Materialisticheskaya dialektika: v 5 t. T. 2 / pod obsh. red. F.V. Konstantinova i V.G. Marahova; otv.red. V.G. Ivanov. — M., 1982.
20. Narskii I.S. Aktual'nye problemy marksistsko-leninskoi teorii poznaniya. — M., 1966.
21. Nikiforov A.L. Filosofiya nauki: istoriya i teoriya. — M., 2010.
22. Orlov Yu.K. Problemy teorii dokazatel'stv v ugovnom processe. — M., 2009.
23. Pavlov T. Informaciya, otrazhenie, tvorchestvo. — M., 1967.
24. Popper K.R. Ob'ektivnoe znanie. Evolyucionnyi podhod / per. s angl. D.G. Lahuti, otv. red. V.N. Sadovskii. — M., 2002.
25. Rossinskii S.B. O sushnosti dokazatel'stv na sovremennom etape razvitiya ugovno-processual'noi nauki: postanovka problemy // Zakony Rossii. — 2013. — № 6.
26. Rubinshtein S.L. Bytie i soznanie. — M., 1957.
27. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovnogo processa. T. 1. — M., 1968.
28. Strogovich M.S. Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugovnom processe. — M., 1955.
29. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom processe / otv. red. N.V. Zhogin. — M., 1973.
30. Trusov A.I. Osnovy teorii sudebnyh dokazatel'stv. — M., 1960.
31. Tyuhtin V.S. Otrazhenie, sistemy, kibernetika. Teoriya otrazheniya v svete kibernetiki i sistemnogo podhoda. — M., 1972.
32. Ugolovnyi process / pod red. K.F. Gucenko. — M., 2005.
33. Ugolovno-processual'noe pravo RF / otv.red. P.A. Lupinskaya. — M., 2009.
34. Ul'yanova L.T. Predmet dokazyvaniya i dokazatel'stva v ugovnom processe Rossii. — M., 2008.
35. Filosofskii enciklopedicheskii slovar'. — M., 1983.
36. Hmyrov A.A. Kosvennye dokazatel'stva v ugovnyh delah. — SPb., 2005.
37. Chudinov E.M. Priroda nauchnoi istiny. — M., 2010.
38. Sheifer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya. — M., 2008.
39. Sheptulin A.P. Dialekticheskii metod poznaniya. — M., 1983.

Материал поступил в редакцию 11 сентября 2013 г.